

Е. С. ШАВЛОХОВА, Л. Г. СТЕПАНОВА

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНАХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ*

В данной статье рассматривается состояние, тенденции и противоречия власти и общества в России и ее регионах в начале XX века. Проведенный анализ показал, что основы авторитаризма в России были заложены в средние века и стали следствием не прекращавшейся борьбы за государственную независимость.

Ключевые слова: власть, авторитаризм, регионы, формирование государства, положение дел в регионах.

Важным фактором становления и укрепления авторитарного режима правления в России являлся многосложный процесс формирования государства. В отличие от других европейских империй, оно никогда не причислялось к колониальным державам, а расширение территории не диктовалось какими-либо экономическими выгодами. Многие исследователи небезосновательно считают, что Российская империя сформировалась за счет стратегических интересов и территориальной безопасности. Здесь имеется в виду то, что ее преобразования проводились чаще всего в рамках противостояния внешней агрессии. А. С. Сенин подсчитал, что на протяжении трех столетий до начала XX века Россия воевала в общей сложности 134 года [1]. Можно отметить, что русская армия зачастую воевала на западных территориях и являлась союзником одной из западных стран. Если проследить исторический процесс, то можно отметить, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами значительно чаще, чем наоборот.

Важно, что большое значение имело само создание такого огромного государства. Отсутствие условий быстрого реагирования на положение дел в регионах, особенно в отдаленных окраинах, приводило к возникновению всевозможных проблем, связанных со сложными отношениями между центральной властью и властью на местах, прежде всего, особенностями самоуправления в небольших обществах, народностях и народах. В истории сложилось так, что возникновение Российской империи не способствовало и не давало возможности становления полицентризма и автономного развития регионов.

В начале XX века Россия не могла воспринимать конституционную власть, так как в течение веков царь являлся не просто авторитетным правителем: он был единственным, поставленным над своим народом свыше. Николай II в процессе переписи населения, которая проводилась в 1897 году, в графе о роде занятий написал: «Хозяин земли русской» [2]. Такая оценка своей роли являлась основанием для изменения системы правления и социально-политической ситуации в стране в целом. Однако мировоззренческие взгляды этого периода,

которые глубоко укоренились в сознании людей, мешали изменению общества. Именно по этому поводу государь Николай II говорил, что «мужик конституции не поймет, а поймет, что царю связали руки, и тогда – я вас поздравляю, господа!» [3]. Это высказывание императора подтверждает, что, по мнению царя, народ России не был готов к парламентаризму и к формированию западноевропейских форм государственной власти. Правда, и сам император не собирался расставаться со своим положением. В декабре 1905 и феврале 1906 года, выступая перед сторонниками монархического развития России, он говорил о том, что его самодержавие «останется таким же, каким оно было встарь». Обращаясь к аудитории, он просил поддержки и уверял, что с помощью своих верных сторонников ему и «русскому народу удастся победить врагов России». «Возложенное на Меня в Кремле Московском бремя власти Я буду нести Сам, – отмечал государь, – и уверен, что Русский народ поможет Мне. Во власти Я отдам отчет перед Богом. Объединяйтесь, русские люди, я рассчитываю на вас» [4].

У Николая II был двоякий взгляд на изменения, которые происходили в России. С одной стороны, стремление сохранить все в неизменном виде, с другой – сторонники монархизма считали, что проблемы разрешатся сами собой. Самодержавный строй в России воспринимался как что-то неизменное, как ее историческое предназначение. Кроме того, российский консерватизм к началу XX века не имел опыта политической борьбы, так как относился к пожизненным привилегиям. Монарх не осознавал, что такое социальная опора, это мешало государю в принятии решений и привело к крушению власти. Еще до подписания Манифеста от 17 октября 1905 года император с сожалением указывал на немногочисленность противников конституции, «которые боролись против нее». «Но поддержки, – по его словам, – ниоткуда не пришло, всякий день <...> отворачивалось все большее количество людей, и, в конце концов, случилось неизбежное» [5].

Что касается российских монархистов, то они не были приучены к инициативе и ждали императорского решения, а когда оно было обнародовано, то

* Издание статьи осуществлено при финансовой поддержке РФГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Развитие государственного управления национальными регионами в России в конце XIX – XX века (на примерах Северного Кавказа)», проект № 14-11-23006

воспринимали парламент в качестве совещательного органа, полагая, что он должен «правдивым осведомлением о действительных нуждах народа и государства помогать законодателю, осуществлять назревшие преобразования» [6]. В процессе избирательной компании им пришлось бороться за думские мандаты и понять напряжение открытого политического противостояния. Несмотря на это, они не теряли надежды на возвращение в прошлые времена и распространяли информацию о том, что «истолковывать закон о Государственной Думе и Манифест 17 октября как введение конституции для России и отказ Государя от Самодержавия могут только люди, желающие взять власть Государственную в свои руки» [7]. Из приведенных слов следует, что сторонники самодержавного строя никоим образом не воспринимали за действительность происходившие в стране события. Даже в программные документы Союза Русского Народа, опубликованные в начале 1906 года, они включили положение о том, что «царское самодержавие не было отменено Манифестом 17 октября <...> и избыточно существует на Руси» [8].

Уже после революции представители консервативных сил, находясь за границей, пытались оправдать свое бездействие и пассивное отношение к политическим событиям в России в начале XX века тем, что «Сам Царь-Самодержец приказал признавать Государственную Думу и законы 1906 года, содержащие в себе явные признаки ограничения и умаления самодержавия царского» [9]. В течение последующих одиннадцати лет, вплоть до установления в стране советской власти, им так и не удалось сформировать такую идеологическую и политическую платформу, которая стала бы реальной опорой императора и традиционного государственного курса. Специфические черты всему строю и жизни Российской империи придавал многонациональный состав ее населения. На территории страны проживало порядка 140 различных народов, среди которых подавляющее большинство составляли представители славянских национальностей. В их числе русских (великоросов) насчитывалось 48%, почти половина [10]. В европейской части страны после славян самой представительной была группа тюркских народов. По религиозной принадлежности почти 71% составляли православные, около 9% – католики, практически столько же – мусульмане.

В национальных регионах по мере их социально-экономического и культурного развития, формирования собственной интеллигенции, пробуждения чувств национального достоинства вызревали националистические настроения, которые правительство стремилось направить из области социально-политической в сферу чисто национальную, что стало одной из основных причин проявления пантюркизма. В их основе лежало ощущение народами своей маргинальности в составе империи, которое становилось все более четким по мере

дифференциации социальных, политических и национальных сил в стране.

Таким образом, основы авторитаризма были заложены еще в средние века и являлись следствием непрекращающейся борьбы за государственную независимость. Ситуацию в области государственного строительства могла изменить централизация власти и всей системы управления в империи.

Изменение имперских границ привело к созданию сети управленческих структур и появлению громоздкого чиновничьего аппарата. Российская история знает несколько попыток реформирования власти, однако они не предусматривали устранения самодержавного всевластия, что непременно вело к укреплению абсолютизма. На рубеже XIX–XX веков в России остро ощущались противоречия между развитием капиталистических отношений и консервативной политической системой. Результатом их углубления явился рост социальной напряженности в обществе, зарождение либеральных движений в центре и в регионах. В этих условиях самодержавие пошло на беспрецедентный в российской истории шаг – создание всесословной Государственной Думы, что в полной мере соответствовало мировым политическим тенденциям. Это стало отправной точкой его свержения в октябре 1917 года. За одиннадцать лет, в течение которых самодержавие постепенно теряло позиции в обществе, консервативная политическая среда проявила неспособность и неготовность поддержать власть, веками гарантировавшую ее представителям права высшего российского сословия, наделенного безграничными полномочиями и привилегиями. Она в большей степени ориентировалась не на цивилизованные формы политической борьбы, а на историческую традицию в области государственного устройства. По существу, авторитарная самодержавная власть сама повинна в своей гибели. На протяжении многовековой истории она не создала никаких механизмов самозащиты, поэтому не смогла в полной мере определить и правильно оценить тенденции развития российского общества, полностью удовлетворить его возрастающие потребности.

Литература и источники

1. Сахаров А. Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Отечественная история. 2000. № 5.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. 2. Л. 3. 1 об.
3. Программы политических партий России. Конец XIX – XX вв. М., 1995. С. 440.
4. Российские самодержцы. 1801–1917 / под ред. Н. М. Масловой. М., 1994. С. 11.
5. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 1
6. Ганелин Р. III. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб. 1991. С. 214.

7. Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 1. М., 2000. С. 117.

8. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 76. Л. 1 об.

9. Острецов В. Черная сотня и красная сотня. М., 1991. С. 42.

10. Сенин А. С. Российская государственность: есть только миг между прошлым и будущим // Российская государственность: история и современность. М., 1997. С. 12.

POWER AND SOCIETY IN RUSSIA AND ITS REGIONS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: CONDITION, TENDENCIES AND CONTRADICTION OF DEVELOPMENT.

This article deals with condition, tendencies and contradictions of power and society in Russia and its regions at the beginning of the 20th century. The analysis showed that the authoritarianism foundation of Russia was laid in the Middle Ages and became consequence of continuous struggle for the state independence.

Key words: power, authoritarianism regions, state formation, situation in regions.

Б. А. ТРЕХБРАТОВ

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ: НОВЫЕ ФАКТЫ ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА И. Д. ПОПКО

Автор характеризует работы о жизни казаков известного бытописателя Кубани И. Д. Попко, анализирует новые факты из истории землевладения и землепользования на Юге России.

Ключевые слова: И. Д. Попко, история казачества, землевладение и землепользование на Кубани.

Интерес к изучению биографии автора первой печатной книги о Черноморском казачьем войске стал проявляться еще при его жизни, и был связан с изданием таких работ, как «Закубанские воры», «Плавни» «Темрюк», «Пластуны», «Исторические и географические очерки», «Любо или нелюбо, атаманы молодцы», «Терские казаки со стародавних времен. Вып. 1. «Гребенское войско», «Пластуны», «Черноморские пластуны в Севастополе» и, конечно же, «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту». Из них особенно отметим отзыв о его последней работе видного украинско-русского историка Н. И. Костомарова (1817–1885), написанный им по случаю 30-го присуждения Демидовских наград [1]. В целом благожелательные рецензии были написаны и на монографию И. Д. Попко о гребенских казаках [2]. После смерти воина и писателя во многих изданиях, в том числе и столичных, были опубликованы некрологи, свидетельствующие об уважении к И. Д. Попко как одному из зачинателей южно-русской провинциальной этнографии и бытописателей казачьего населения Юга России.

Высокую оценку общественной и творческой деятельности дали кубанский краевед Б. М. Городецкий [3] и ставропольский исследователь С. В. Фарфоровский [4]. Примечательно то, что в это время стал проявляться интерес краеведов к судьбе архива просвещенного генерала. В местном краеведческом издании появляется коротенькая статья В. Загорской [5], в которой содержится обзор архива И. Д. Попко. А вот в архиве Ставропольского краевого краеведческого музея имени Г. К. Праве в фонде известного общественного и культурного деятеля Ставрополя Г.

Н. Прозрителева нам удалось более 40 лет назад во время работы над кандидатской диссертацией обнаружить папку под номером 12, в которой сохранился черновик статьи Прозрителева под названием «Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива» [6]. Досюветские историки и краеведы начали основательно подходить к делу, видя, что без документов из личного архива генерала-исследователя невозможно нарисовать объективную картину его личной, военной, общественной и творческой деятельности. Такой фонд под номером 377 и был создан ставропольскими архивистами. Копиями из него, хранящимися в Государственном архиве Краснодарского края (ГАКК), пользовалось небольшое число краснодарских ученых (Г. Н. Шевченко, А. И. Слуцкий и автор этой статьи). Значение дел из этого фонда трудно переоценить, так как в них содержится самый разнообразный материал, позволяющий ответить на многие вопросы из жизни И. Д. Попко.

По нашим подсчетам, о генерале исследователе казачьей жизни написано около 80 статей и заметок разного объема и достоинства в основном касающиеся военной составляющей его жизни. В них мало сведений о научной работе генерала и ученого. К тому же большинство из них опубликованы или в газетах, или изданиях, редакторы которых не предъявляли строгих требований к научно-справочному аппарату, поэтому мы не можем знать о том, какова репрезентативность использованных источников, что, естественно, снижает их ценность.

В свое время я написал статью о формировании исторического мировоззрения И. Д. Попко [7] и тогда мне казалось, что тема научного наследия в основном освещена. Но лет 15 назад, подыскивая